

Белая гостиная Михайловского дворца: история с подарками

З. А. Перскевич

Михайловский дворец К. Росси, завершённый постройкой в 1825 году, сразу обрел славу архитектурного шедевра, вызвав искренние восторженные отзывы современников, как отечественных, так и иностранных. Белая гостиная занимала центральное положение в ряду парадных залов дворца, что обусловило особое внимание к ее оформлению. Этот зал стал крупным достижением в художественном творчестве зодчего, поэтому не стоит удивляться, что в начале 1828 года император Николай I повелел изготовить модель Белой гостиной для дипломатического подарка английскому королю Георгу IV. На ее изготовление было выделено из казны 25 000 рублей. Работу выполняли охтинские столяры Тарасовы под непосредствен-

Михайловский дворец. Ф. Мартенс. 1830-е гг. Гравюра

Белая гостиная Михайловского дворца. М. Садовников. 1833 г. Акварель

ным наблюдением Росси с февраля по сентябрь 1828 года. Отправка в Лондон предполагалась «водою до бурного времени»¹. «Архитектор объявил, что считает необходимо нужным отправить с помянутой моделью одного из работающих с нею, дабы в случае какого-либо повреждения сей модели в пути он мог оную исправить». В конце сентября Кабинет е. и. в. поручил банкиру барону Штиглицу нанять на английском пароходе, выполнявшем регулярные рейсы из Кронштадта через Любек и Копенгаген в Лондон, место для поклажи отправляемой модели и нарочного, посылаемого с нею. 4 октября в рапорте Кабинету Росси сообщал, что «приготавливаемая <...> модель <...> ныне совсем уже отделкою закончена», и спрашивал, «не угодно ли будет оную модель до укупорки осмотреть». В тот же день «признали необходимым, чтобы с оною моделью был отправлен столярный мастер Николай Тарасов, делавший для нее некоторые столярные вещи, коему известно, как она составляется и разбирается, а потому для сего и должен

быть употреблен». 8 октября «модель с гостиной доставлена в Кабинет, и в оном как следует установлена на сделанном для нее подножии». Тем временем поменяли кандидатуру нарочного. Им был назначен Иван Тарасов, которому от Министерства иностранных дел испрашивали паспорт. 12 октября императрица Александра Федоровна «потребовала доставить в угольную комнату Зимнего дворца модель для осмотра». На следующий день модель, «уложенная и укупоренная в ящик вышиною полтора, шириною два, длиною четыре аршина <...> а также принадлежащие к оной рисунки, уложенные в другом малом укупоренном ящике», были отправлены в Лондон в трюме пассажирского парохода «Георг IV». Сопровождающим отъезжал мастер Иван Тарасов. С дороги пришло сообщение, что английский пароход «Георг IV» «ныне не пойдет в Лондон, а отправляется только до Любека», что означало дополнительные хлопоты, связанные с переноской груза на другое судно, следовавшее в столицу Англии через Гамбург.

В середине января 1829 года ценный груз достиг Лондона. Жена русского посла княгиня Дарья Христофоровна Ливен препроводила царский подарок в Виндзорский дворец и поднесла Георгу IV, который встретил его весьма благосклонно. «Его Величество Король Великобританский во изъявлении высочайшего удовольствия своего от привезенной от императорского двора модели <...> пожаловал Тарасову большую золотую медаль с своим изображением на синей ленте для ношения на шее, когда последует на то всеимперицейшее государя императора соизволение». «По уважению столь лестного отличия» у российского императора испрашивался для Ивана Тарасова соответствующий случаю зеленый бархатный кафтан с золотыми галунами.

В 1833 году Белая гостиная, единственная из всех интерьеров дворца, была запечатлена М. Садовниковым на акварели, хранящейся ныне в Музее архитектуры им. Щусева (Москва). Изображена юго-восточная часть зала. В интерьере все подчинено замыслу ар-

Белая гостиная Михайловского дворца. Э. Липгарт. Нач. 1890-х гг. Живопись

хитектора. Колонны и стены отделаны белым искусственным мрамором. На главной стене в торжественном ритме выступают шесть красочных живописных групп, изображающих героев «Илиады». Легкая многоцветная с позолотой роспись плафона, следуя за композицией зала, подчеркивает основные ее членения. Резная, вызолоченная мебель, обитая голубым французским штофом, также является элементом архитектуры: двусторонние диваны служат невысокими перегородками между колоннами, каждый предмет занял строго отведенное ему место, открывая взору сложного рисунка дорогой наборный паркет. Изысканные в отделке осветительные приборы и настольные украшения дополняют ансамбль. Все это, эффектно отраженное во множестве зеркал, усиливает праздничное величие зала.

Белая гостиная сохраняла свое назначение и в целом первоначальную отделку в течение 70 лет, до момента передачи великокняжеской резиденции под Русский музей. Около четверти века при первом владельце дворца великом князе Михаиле Павловиче ее художественное убранство оставалось неизменным. Супруга великого князя великая княгиня Елена Павловна, занимавшая бельэтаж дворца до своей кончины в 1873 году, поменяла в Белой гостиной три бронзовые золоченные люстры работы Росси на хрустальные, добавив к ним такие же малые люстры. Их повесили на кронштейнах, укрепленных на пилонах. После того как великая княгиня поменяла место спальни и отделала ее в новом вкусе, из старой «россиевской» спальни в Белый зал перешли два небольших однотумбовых столика с белыми мраморными сто-

лешницами. Гарнитуры Белой гостиной и спальни, выполненные одним и тем же мебельным мастером Гроссе, были очень схожи в отделке, поэтому столики не нарушили цельности мебельного убранства зала. Это можно увидеть на небольшой живописной работе художника Э. Липгарта (Государственный Русский музей, ГРМ), датированной началом 1890-х годов.

В 1889 году при передаче дворцового хозяйства новому кастиеляну была составлена имущественная опись, свидетельствующая о том, что предметы первоначального убранства залов состарились, что относилось и к Белой гостиной. В особых отметках можно прочесть «запачкано», «порвано», «потерто»², что было естественно для вещей, прослуживших около семидесяти лет. Напротив, только тщательностью ухода можно объяснить сохранность самого изысканного по красоте зала в течение столь продолжительного времени.

Перемены начались с перестройкой Михайловского дворца под Русский музей императора Александра III в 1895–1897 годах. Весной 1895 года, освобождая дворец, дочь великой княгини Екатерины Михайловны принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская вывезла свое имущество, в том числе и гарнитуры из больших гостиных, в унаследованный ею от матери Каменноостровский дворец, где обставила ими приемные залы. Там они находились до лета 1917 года, когда она же приняла добровольное решение передать в дар Русскому музею многие предметы, связанные с историей Михайловского дворца. В их числе была мебель из исторических гостиных.

Но вернемся в Михайловский дворец лета 1895 года. Поставленные наблюдать за строительством музея члены высочайше утвержденной строительной комиссии поначалу намеревались сохранить богатую архитектурную отделку Белой и смежных с ней двух бывших «россиевских» гостиных. В них следовало только отреставрировать наборный паркет, плафонную живопись, поправить обветшавшую позолоту и в этой блестящей дворцовой обстановке развернуть специальный раздел музея, посвященный Александру III. Но

вскоре желание акцентировать значение памятных залов оказалось столь велико, что строителями музея овладела мысль пробить из галереи на парадной лестнице в Белую гостиную три арки для «более полного вида главного входа и прямого сообщения с залами Памятного отдела»³. Проемы предполагалось отделать таким же искусственным мрамором и украсить ажурными чугунными решетками, на полу настелить цветной паркет. Арки были пробиты во время строительного ремонта зимой 1896 года. Ошибочность такой архитектурной новации сразу стала очевидной: и вестибюль, и главный зал сразу «потеряли в своем виде»⁴, что признал В. Свинын, выполнявший реконструкцию здания. При этом была уничтожена вся отделка средней части стены: центральный камин с зеркалом, две пилястры, две фигурные живописные композиции, подобные тем четверем, что сохранились в боковых «кабинетах», орнаменты наверху стены и во фризе, искусственный мрамор. Для исправления ошибки летом арки заложили. В условиях строгой экономии материальных средств и времени было сделано все возможное, чтобы не потерять архитектурную выразительность центра зала. Имея задание комиссии сохранить прямой доступ в него с парадной лестницы, на месте камин с зеркалом

В. Свинын поставил дверь, снятую в этом же зале с анфилады, скопировав при этом все элементы ее оформления: рельефный наддверник, наличник и карниз, декорированные золочеными порезками. Поверху стены были восстановлены участки орнаментального пояса и фриза.

Предположительно в тот же период были сняты еще два настенных зеркала в боковых «кабинетах». Таковы были изменения, внесенные в первоначальную отделку южной стены Белого зала.

Что касается северной стены с окнами, выходящими в сад, до сих пор трудно было сказать, как она выглядела, поскольку в материалах российских архивов нет ее изображений. Первоначальная дворцовая опись⁵, кроме сохранившихся по сей день двух каменных торшеров и двух консолей, упоминает утраченные роскошные драпировки на окнах и балконной двери и простеночные консоли зеркала.

После торжественного открытия Русского музея 7 марта 1898 года в трёх бывших гостиных была мемориальная зона, где помещалось все, что так или иначе было связано с личностью Александра III. В зале устраивались всевозможные выставки, целью которых было возможно полнее раскрыть его образ.

В советское время, с ликвидацией Памятного отдела, в экспозицию Белоколонного⁶ зала был воз-

Выставка М. И. Козловского в Белом зале. 1953 г. Архивное фото из собрания ГРМ

Экспозиция картин иностранных художников, работавших в России (Белый зал). 1923 г. Архивное фото из собр. ГРМ

вращен мебельный гарнитур; в период послевоенной реставрации поздние хрустальные люстры заменили на люстры работы Росси из Овального зала и столовой Елагина дворца. В целом зал сохранил свой ампирный стиль. Он стал местом для проведения наиболее ответственных выставок искусства XVIII – первой половины XIX веков. Там экспонировали лучшие образцы парадной портретной живописи, представляли также шедевры русской скульптуры. В те годы в экспозиционной работе применялся комплексный принцип: наряду с живописью и скульптурой в большом числе выставлялись предметы русского декоративно-прикладного искусства. В смежных с Белоколонным залах картина была, по сути, идентичной. Использование нашего зала для временных экспозиций, когда внимание зрителя обращено к выставленным в нем произведениям искусства, несколько нивелировало его индивидуальный облик.

Когда же со временем акцент в нем был сделан на интерьерном характере экспозиции, тогда выявились недочеты. Стали заметны утраты живописи в центре главной стены (правда, их одно время прикрывали несомасштабные залу, но тематически соответствовавшие месту портрет К. И. Росси работы Б. Ш. Митуара и «Вид Михайлов-

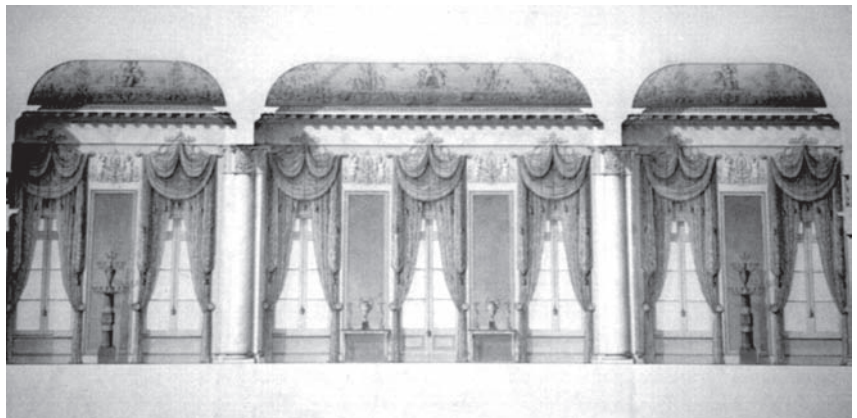
ского дворца» К. Бегрова), пустоты на месте стенных зеркал (восстановленных в 1998 году), два разноразмерных зеркала, висевших в межоконных простенках над консолями, скромный репс в мебельной обивке вместо шелкового штофа и типично музейные итальянские шторы. Все перечисленное обеднило вид уникального интерьера. Уместно отметить особую роль ткани в его характеристике. Если судить по уже упомянутой описи, голубой шелковый штоф с золотистым рисунком, использованный Росси в отделке мебели и окон, объединял зал и обогащал его цветовую гамму. С резных вызолоченных карнизов на окна спадали

«занавеси с подзорами, фестонами и косяками, обшитые по бортам шелковой бахромой и широкою тесьмой с шелковыми же шнурами и кистями», бронзовые позолоченные розетты поддерживали полы занавесей. Безусловно, эти элементы убранства зала в те времена поражали великолепием.

Накопившиеся со временем вопросы исследователей и хранителей не находили ответа, что побудило дирекцию музея обратиться свои надежды в сторону Англии, страны, в лучшем смысле слова, консервативной, где могли сохраниться заветные рисунки Белой гостиной. Направив летом 2002 года свой запрос в генеральное консульство Великобритании в Санкт-Петербурге, к великому удивлению в конце года мы получили положительный ответ. Сотрудники министерства иностранных дел Великобритании смогли связаться с Королевской библиотекой в Виндзоре, где, как оказалось, хранятся четыре разыскиваемых чертежа Карло Росси. Британские коллеги изготовили их большеформатные фотокопии, и в апреле 2003 года уникальные материалы поступили в музей в качестве подарка к юбилею нашего города.

В состав переданной коллекции входят: чертеж плафона, поперечный разрез зала с видом на торцевую западную стену и, особенно интересные для нас из-за появившихся со временем утрат, два продольных разреза зала с изображением северной и южной стен.

При внимательном осмотре изображений в них были обнару-

Продольный разрез Белой гостиной с видом на северную стену. Чертеж К. Росси. 1820-е гг. Фотокопия, подаренная Русскому музею английской стороной. Публикуется впервые

жены некоторые несоответствия как с описанием первоначального убранства зала, так и с современным его состоянием.

Во-первых, это различия в планировке зала. На поперечном разрезе мы видим симметричное классическое построение с изображением колонн, дверных проемов и простенков, а также их отделки. Здесь оси дверных проемов совпадают с осями боковых продольных «нефов» зала. В действительности же, как и на плане в отчетных чертежах бельэтажа дворца 1825 года⁷, ширина угловых простенков увеличена, а среднего – соответственно уменьшена, так что двери оказались смещенными к центру зала. Если бы теперь такой же разрез зала был составлен по результатам натуральных обмеров, ближние к центру зала наличники дверей оказались бы заслоненными колоннами. В изображении зала уже не было бы той классической правильности, которая есть в чертеже из английского собрания.

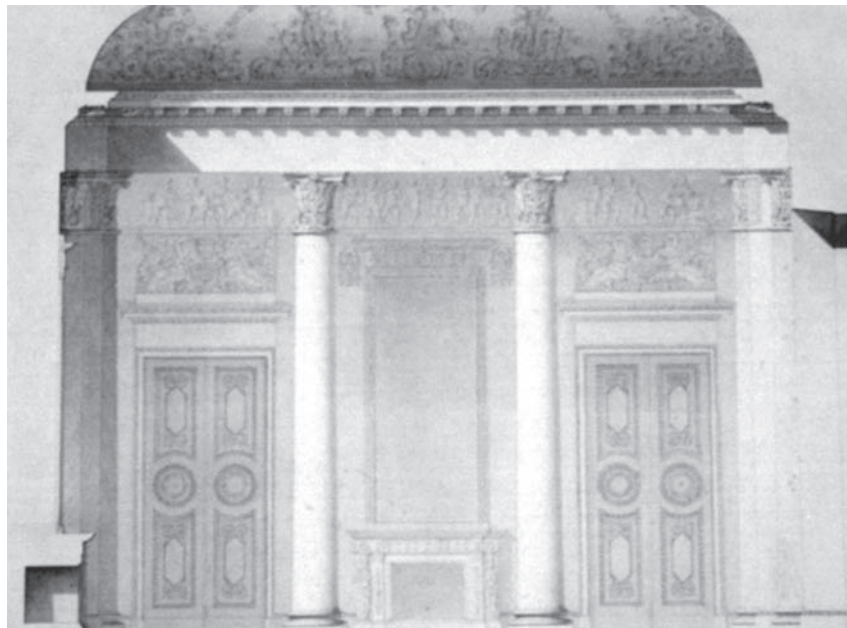
Во-вторых, на чертеже северной стены в межколонных простенках изображены четыре зеркала, в то время как в описи зафиксированы два зеркала, а в крайних простенках, за торшерами, зеркал нет.

В-третьих, на чертежах все каминные изображения одинаковыми, что противоречит первоначальной описи, а также изображениям на акварели М. Садовникова и картине Э. Липгарта, где видно, что центральный камин украшен по фасаду фигурами кариатид, а боковые каминные имеют колонны и декоративные рельефы совсем иного рисунка.

В-четвертых, двери зала изображены светлыми, почти белыми, что, возможно, указывает на первоначальный замысел отделать их «под французский лак», а не волнистой березой, как указано в описи и имеет место в натуре.

Наконец, в-пятых, на живописном фризе зала в группах играющих амуров на одну-две фигуры меньше, чем на английском чертеже.

Все вышесказанное позволяет предположить, что, получив через два с половиной года после постройки Михайловского дворца по-

Поперечный разрез Белой гостиной с видом на западную стену. Чертеж К. Росси. 1820-е гг. Фотокопия, подаренная Русскому музею английской стороной. Публикуется впервые

велению императора Николая I на изготовление модели с приложением чертежей, К. Росси, уже не имея свободного доступа в Михайловский дворец для натуральных обмеров, воспользовался одним из комплектов своих предварительных, но неосуществленных полностью проектных чертежей.

Об этом свидетельствует сам характер перечисленных расхождений. Многие из них так или иначе направлены к большей простоте и меньшей строгости и правильности в натуре по сравнению с чертежом. Так обычно и бывает при осуществлении сложного проекта. Необходимость расположить Белую гостиную на одной оси анфилады с огромным Танцевальным залом потребовала перенести двери ближе к центру зала. Экономия средств и времени при живописных работах заставили «разредить» группы во фризе. Этим же могут быть объяснены сокращение числа зеркал и изменения, внесенные в отделку дверей.

Но за исключением этих вынужденных и, по сути, малозначительных расхождений, облик Белой гостиной в осуществленном виде соответствует тому, что изображено на английских чертежах.

Сегодня, по прошествии почти 180 лет со времени постройки Михайловского дворца, мы получили уникальные материалы, дающие представление о первоначальном облике Белоколонного зала, безусловно необходимые для экспозиционеров и предоставляющие им широкое поле деятельности. Теперь есть возможность использовать полученные чертежи для воссоздания во всей полноте одного из лучших интерьеров музейной экспозиции.

В заключение выражаем благодарность многоуважаемой госпоже генеральному консулу Великобритании в Санкт-Петербурге Барбаре Хей, взявшей на себя хлопоты по поиску эскизов Росси и передаче их копий в дар музею в год 300-летия Санкт-Петербурга.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 1. Стел. 1. Д. 551.

² РГИА. Ф. 533. Оп. 2. Д. 492.

³ ВА ГРМ. ГРМ(1). Оп. 1. Д. 22.

⁴ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 601 А. В. Половцова. Д. 161.

⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 114. 1826 г.

⁶ Название определено в период бытования здания как музея.

⁷ ГРМ. Фонд графики. Альбом К. Росси. Р. 1741–1758.